

Продолжатели фамилии

Веч. Москва - 1993 - 5 апр. - с. 5

3 ТОТ до боли пронзительный снимок я увидела несколько лет назад на выставке «Константин Михайлович Симонов. Сто фотографий Евгения Халдея». Дочь прощается с отцом перед его уходом в больницу...

Мы долго перезванивались с Александрой Кирилловной, прежде чем наша встреча состоялась. Я успела за это время познакомиться с ее дочерью Ларисой, узнать, что из первоклассницы в середине года она стала второклассницей, что учиться очень интересно, что написание сказки отнимает много времени.

Разговор начинается непросто. Не каждый может сразу поведать о самых близких, дорогих людях, которые еще недавно были рядом. Решаем так: я ни о чем выпрашивать не буду, Александру Кирилловну могу называть Сашей, а Саша может вспоминать обо всем, что

Александра СИМОНОВА:

«ДЕТЕЙ НЕ ОБМАНЫВАЛИ И ИЗВИНЯЛИСЬ, ЕСЛИ БЫЛИ НЕ ПРАВЫ»

хотелось бы сегодня вспомнить.

— Детство — ощущение счастья. В доме все подключено к работе мамы и отца. Я хожу в детский сад «от» и «до». Очень рано уяснила, что при боли реветь ни в коем случае нельзя. Когда папа вытаскивал занозу, а их почему-то хватало, терпела, ни одного вопля. Помню еще: я болею, пришли ставить банки, и меня вдруг прорвало, я стала орать, просто от вредности. Папа вошел в комнату, задрал свитер и попросил сестру: «Влепели, пожалуйста, мне одну». Опустил свитер, ни слова не сказав, с горбом ушел. От неожиданности я глотнула воздуха, ор прекратился. Я росла с сестрой Катей. Она на шесть лет старше, в восемнадцать вышла замуж, и меня довоспитывали одну. А Катя, окончив университет, стала специалистом по Япо-

нии. Детей никогда не обманывали, с нами советовались и извинялись, если были не правы. Мне пять, Кате одиннадцать. Отец позвал нас и сказал: «Мы едем в Болгарию. Но при условии: кушать все, что дадут. Согласны?» Целый месяц я давила супами, которые так не любила, а здесь они были еще и острые. Все капризы и кривляния пресекали моментально, но при этом голос не повышали. А самое суровое наказание было за грубость или явную бестактность — с тобой день или два не разговаривали. Хорошие новости, незапрограммированные встречи независимо от часа суток обсуждались и отмечались с детьми. Нас будили, мы шли в столовую, где был накрыт стол, папа возился у плиты (он очень любил готовить и угощать).

Самое страшное воспоминание: я во втором классе английской школы. Завтрак. Ем котлету, очень удобно держа ее в руке. А здесь комиссия. Мне делают замечание. Я резонно отвечаю, что у меня папа ест руками. Я, к ужасу, слышу: «Ты врешь!» Со мной была истери-

ка. Мир рухнул. Отец тут же пошел в школу и подтвердил сказанное мной. А с каким удовольствием он ел квашеную капусту, захватывая ее щепотью. У нас с Катей так ловко не получалось.

На меня иногда «наезжало» — вдруг упорно забывала убирать за собой, разбрасывала что где попало. Придя из школы, обнаруживала на книжной полке полотенце, завязанное элегантно узлом и табличку: «Композиция № 1». Под «композицией» за номером 3 — на люстре носки соседствовали с тетрадью. Папа умел радоваться жизни. Французы называют это свойство искусством жить.

Мы были в Гульрипше ранней весной. Холодно. Ходим по берегу, собираем камешки. Вдруг наш «лоцман» исчез. Проходит немного времени, возвращается сияющий с гиацинтом в цветочном горшке. Под этим «парусом» мы прошли бухту, обгоняя ветер, и совсем не замерзли. Папа был очень артистичен. Он удивительно относился к женщинам, при нем все они чувствовали себя женщинами. Целовал руку

своей матери. Они с бабушкой были так похожи, только у бабушки были голубые глаза, но такие же лучистые. Отец умел переносить не только физическую, но и душевную боль. Всегда оставался самим собой, всегда был верен друзьям. Впервые я столкнулась с потерей близкого человека, когда умер дедушка. На кладбище, во время похорон, я стояла где-то в стороне. Отец сказал: «Подойди к бабке, тебе еще хоронить мать и меня».

Нас довольно рано начали приучать к труду. Я помогала маме еще в школе. Когда она писала книгу о Малевиче, ходила в архив, делала выписки. Работа была большая, заняла много времени. Папа написал даже шуточные стихи. Каждое четверостишие начинается строкой «Под знаком «Черного квадрата» (по названию известной картины художника):

Под знаком «Черного квадрата»,
В науке выжимая гири,
Знай, все другое — лишь
квартплата

За прозябанье в этом мире.

(Лариса Алексеевна Жадова, искусствовед, кандидат наук, автор книг о Фернанде Леже, мексиканском монументальном искусстве, узбекской керамике... Исследование «Поиск и эксперимент» о творчестве Малевича сейчас выходит на немецком языке в Дрездене вторым изданием. У нас она так и не была напечатана. — Прим. автора.)

Мама владела французским, немецким и чешским. Я в то время уже прилично знала английский и испанский, потом добавились итальянский и французский. Когда у меня родилась дочь, я назвала ее Ларисой.

Евгений Халдей: «Было утро. Мне позвонил Константин Михайлович, попросил приехать позавтракать вместе и помочь собраться в больницу (в очередной раз). Я приехал, мы позавтракали геркулесовой кашей и пошли в кабинет. Он раскрыл чемоданы, куда складывал книги и рукописи, которые всегда брал в больницу, а я снимал с полки нужный ему материал и передавал. Вошла Санька, говорит: «Папа, я еду в университет. Давай попрощаемся». Прильнула к нему, он ее обнял. «Лейка» висела у меня на груди, я вскинул камеру... Этот снимок оказался последним. Все».

...Они встретились в октябре 1941 года на Северном флоте, Константин Симонов, военный корреспондент «Красной звезды», и Евгений Халдей, фотокорреспондент ТАСС.

Почти сорок лет дружбы. Они были на «ты».

Выставку фотографий о Константине Симонове Евгений Ананьевич провез от Мурманска до Красноярска.

Майя ОКУШКО.

Фото Евгения ХАЛДЕЯ
(публикуются впервые).

